

Протоиерей Василий Марущак,
*член Комиссии по канонизации святых Симферопольской и Крымской
епархии*

СВЯТИТЕЛЬ АНТОНИЙ АБАШИДЗЕ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КРЫМУ

Эпоха гонений XX века принесла всему миру громадное количество святых новомучеников и исповедников, показавших разлагающемуся от безбожия и неверия человечеству несокрушимую высоту христианского духа, чистоту смирения и святость искупительного страдания.

Одним из выдающихся архипастырей, прошедшим через горнило испытаний и огненных искушений, выпавших на долю нашего многострадального народа, является архиепископ Димитрий (в схиме Антоний) Абашидзе, возглавлявший Таврическую кафедру с 1912 года по 1921-й и увенчавший свой святительский и исповеднический подвиг старчеством. Родился будущий святитель в селении Веджины Сигнахского уезда в ста верстах от Тифлиса в семье князя Ильи Абашидзе 12 октября 1867 года. Его отец владел обширными земельными угодьями, составлявшими около двухсот десятин.

Князя Абашидзе были не только богаты, но и знамениты. Они состояли в близком родстве с другим влиятельным родом Багратуни, давшим миру великого героя Отечественной войны 1812 года – Багратиона.

Первоначальное образование юноша получил в Тифлисской классической гимназии. После ее окончания он уехал в Одессу и поступил на юридический факультет Новороссийского Императорского университета, в котором в то время было три факультета: историко-филологический, физико-математический и юридический. Высокий уровень преподавания (изучался даже санскрит) обеспечивали 35 ординарных профессоров и 14 экстраординарных, в том числе профессор богословия Кудрявцев. Курс обучения длился четыре года. Богатейшая университетская библиотека насчитывала более 84 тысяч томов отечественных и зарубежных авторов, восемнадцать тысяч экземпляров периодики.

После окончания университета перед юным князем открывались большие и заманчивые перспективы. Он радовал своих родителей умом и многогранным талантом, прекрасно танцевал и фехтовал, в совершенстве владел искусством верховой езды. Известность княжеской фамилии позволяла ему не только общаться на равных со знатными вельможами, но и

открывала путь к императорскому двору, а юридическое образование давало возможность сделать карьеру в юстиции. Но будущий подвижник благочестия решил посвятить Богом данные дарования на служение Небесному Царю. В 1891 году Давид Ильич был зачислен на первый курс Киевской Духовной Академии. В то время во главе ее стоял первый викарий Киевской митрополии доктор богословия епископ Каневский Сильвестр (Малеванский). Богословские науки преподавали известные профессора старой школы: Д. Поспехов, И. Малышевский, В. Певницкий. Учеба в стенах прославленной духовной школы, давшей церковному миру огромное количество ученых-монахов, священников, иерархов и подвижников благочестия, несомненно, повлияла на выбор жизненного пути юноши. Общение с лаврскими старцами, прикосновение к миру святости укрепили его в горячем желании всецело посвятить себя служению Богу. Через три месяца со времени поступления в Академию, 16 ноября, во второй день Рождественского поста, Давид был пострижен в мантию с именем Димитрий – в честь великого русского святого митрополита Димитрия Ростовского. Через пять дней, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, он был введен во святая святых и поставлен на первой иерархической ступени – диаконской. Началось его более чем пятидесятилетнее служение Церкви в священном сане.

Годы учебы в Академии пролетели незаметно, блестяще защищена была кандидатская диссертация на тему: «Православная Иверская церковь в борьбе с мусульманством в XVII веке». Из 34 представленных сочинений работа иеродиакона Димитрия была признана наряду с тринадцатью другими в числе лучших.

9 июня 1896 года отец Димитрий был рукоположен во иеромонаха, и уже 16 августа этого же года молодой иеромонах вливается в коллектив преподавателей Тифлисской духовной семинарии. Ему поручено вести предмет Священное Писание. Указом Святейшего Синода от 19 марта 1897 года отец Димитрий был назначен инспектором Кутаисской духовной семинарии, а в следующем году вернулся опять в Тифлис, уже в качестве инспектора. Здесь пересеклись жизненные пути будущего старца-схиархиепископа и будущего главы государства Сталина. За провинности Иосифа Джугашвили часто сажали в карцер, а отец инспектор по своей доброте и христианскому милосердию посылал ему пищу. Встречались ли они впоследствии, неизвестно, так как серьезных, заслуживающих доверия документальных подтверждений тому не обнаружено: в советское время

даже за разговоры на эту тему можно было лишиться не только свободы, но и жизни.

Всесторонняя образованность, проповеднический талант отца Димитрия обратили на себя внимание священноначалия. 13 января 1900 года он был возведен в сан архимандрита и назначен ректором Александровской миссионерской семинарии, которая находилась в селении Ардон. Неподалеку от семинарии размещался лепрозорий, куда отец Димитрий бесстрашно ходил причащать прокаженных.

Успехи архимандрита Димитрия на новом поприще ректора-миссионера были очевидными. По представлению грузинского Экзарха архиепископа Алексия (Опоцкого) Святейший Синод принял решение о возведении его в сан епископа, и 23 апреля 1902 года в тифлисском Александро-Невском соборе состоялась его архиерейская хиротония.

В епископском сане владыке Димитрию открылись новые, более обширные возможности служения Богу и людям. С 3 мая он – председатель Грузинского Епархиального Училищного Совета. 7 мая того же года назначен сверхштатным членом Грузино-Имеретинской Синодальной конторы и настоятелем Спасо-Преображенского монастыря в Тифлисе, 10 мая – председателем комитета по заведованию Археологическим музеем Грузинского Экзархата. Кроме того, владыка возглавлял комитет по изданию грузинского церковного обихода. С 4 ноября 1903 года владыка Димитрий – епископ Гурийско-Мингрельский.

Более трех лет он провел на грузинских кафедрах, и везде, где бы он ни служил, он зарекомендовал себя активным и энергичным поборником целостности и неделимости Русской Церкви и государства. Потомок древнего княжеского рода, высокообразованный человек с глубоким имперским сознанием, он отчетливо представлял себе страшную опасность и гибельность всяких попыток раздробления и разъединения. Гнилостное дыхание западного вольнодумства, медленное расползание тлетворных революционных идей, ставивших своей целью разрушение единства Российской империи, не могли не беспокоить святителя, и он всячески сопротивлялся попыткам обособления.

16 июня 1905 года последовало новое назначение – на Балтское викариатство Подольской епархии, считавшейся в то время одной из самых обширных на юге России, а 20 января 1906 года – на Туркестанскую кафедру, которая была основана в 1871 году и к концу XIX века имела громадную территорию. Общая площадь ее составляла 1 750 000 квадратных верст и

включала в себя Сырдарьинскую, Самаркандскую, Ферганскую, Семиреченскую и Закаспийскую области с 25 уездами, а также особый Амударьинский отдел и русские поселения в Бухаре и Хиве. Население этих пяти областей по данным переписи 1897 года насчитывало более пяти миллионов. На юге границы епархии соприкасались с территориями трех государств: Персии (Ирана), Афганистана и Китая. Значительная часть жителей Туркестана исповедовала ислам.

В Туркестан владыка Димитрий принес с собой мир, христианскую любовь и благодушие. Жители этого необъятного края так выражали свои ответные чувства к новому владыке: «Желательно было иметь архипастыря с сердцем чистым, любящим Бога и ближних, любящим Русь Святую и Боговенчанного царя-батюшку. Желательно было иметь архипастыря, пекущегося о Церкви Христовой как крепкой основе и краеугольном камне государства и народного счастья. Желательно было, чтобы архипастырь был для пастырей и пасомых родным отцом и мудрым руководителем, направляющим все к благу и спасению паствы туркестанской, – отцом, болеющим нашим горем и радующимся нашим радостям. Желательно было, чтобы новый наш архипастырь вкропил в сердца всех подчиненных ему пастырей и пасомых любовь Христову так, чтобы слова: «Христос посреде нас!» – были не формальным только и притворным нашим лозунгом, а действительной основой нашей жизни и отношений...

Получив весть, что архипастырем назначен к нам Преосвященный Димитрий, епископ Балтский, мы возрадовались духом, что Господь услышал вопль наш и увидел слезы наших детей и посылает нам на утешение благородного и высокообразованного архипастыря и отца, полного сил и разума. Внутренний голос подсказывал нам, что вновь назначенный архипастырь непременно полюбит вверенную ему Христом Богом туркестанскую паству, оживит ее теплотой своего сердца и поведет по пути духовно-нравственного развития.

Внутренний голос подсказывал нам, что этот архипастырь найдет чем заняться и утешиться на кафедре Туркестанской. Нам сразу сделалось веселее на сердце, и мы стали смотреть вперед с надеждой на лучшее будущее. Наши надежды и ожидания стали вскоре подтверждаться».

Ко времени прихода в Туркестан владыка Димитрий был одним из самых молодых архиереев. Ему исполнилось 38 лет, но слухи о его ревности и благочестии, замечательном проповедническом даре и редком духовном благородстве достигли Туркестана раньше, чем он сам прибыл туда. С

первых же шагов своего служения владыка стал завоевывать симпатии всех слоев общества. Духовенство, дотоле униженное и растерянное, было обласкано новым архиереем и воспрянуло, интеллектуальная элита тоже потянулась к нему, и вскоре образовался кружок православной интеллигенции, который стал активно трудиться на ниве духовного просвещения народа. Несмотря на обширность епархии и трудность передвижения, владыка лично посетил самые ее удаленные уголки. Его трудами завершено строительство кафедрального собора в Верном, который по красоте сравнивали с храмом Василия Блаженного на Красной площади в Москве. Этот собор имел в высоту 44 метра и поныне является вторым по величине деревянным зданием в мире. Владыка Димитрий основал Иверско-Серафимовский женский монастырь в Верном, передав этому монастырю землю и здания своей архиерейской дачи. По его благословению была открыта также женская обитель в Ашхабаде. Кроме того, святитель основал епархиальный журнал «Туркестанские Епархиальные ведомости». В 1908 году он созвал первый епархиальный съезд духовенства, чтобы вдохновить священнослужителей на ревностное несение пастырского креста, обсудить проблемы, обменяться мыслями. Несмотря на трудности, а некоторым батюшкам приходилось добираться до Верного около месяца, все отмечали необходимость такого общения. Увеличив вдвое за время своего святительства количество приходов, он усердно заботился о пополнении штатов духовенства, объезжая российские семинарии и приглашая молодых священнослужителей к миссионерскому апостольскому служению. Заботясь о духовном просвещении вверенной ему паствы, он учреждал религиозно-просветительские общества в разных регионах епархии, противосектантские курсы, приглашал маститых миссионеров и проповедников, таких, как протоиерей Иоанн Восторгов, Михаил Колобов. Среди лекторов этих обществ были не только образованные священнослужители, но и светские ученые, адвокаты, врачи, педагоги. Храмовые праздники, прибытие в епархию святынь сопровождались торжественными богослужениями и крестными ходами, которые оживляли церковную жизнь.

25 июня 1912 года вышел указ Св. Синода о назначении на Таврическую кафедру. Прибыв на новое место служения, он в первой своей проповеди изложил свое понимание роли архипастыря и каждого члена Церкви, основанное на святоотеческом опыте. Ссылаясь на апостольский авторитет, он изложил принцип устройства Церкви. Как человек состоит из множества членов, каждый из которых отвечает за определенную функцию организма, так и Церковь Божия состоит из членов – христиан, каждый из которых по мере сил и дарований должен служить Церкви. А епископ наблюдает, чтобы

каждый член Церкви несленно нес свое послушание. «Потребуется ли для Церкви какой-либо ученый труд, епископ призывает окружающих его мужей. Потребуется ли время особого опыта и совета, из среды верующих найдутся мужи опыта и совета, с которыми епископу нетрудно будет разрешить возникший вопрос. Нужно ли будет произнести суд над кем-либо, и епископ, Богу содействующу, вместе с избранными благочестивыми пресвитерами вверенного ему клира Божия совершает его во спасение души согрешившего. Епископ должен всегда помнить изречение Слова Божия, что «спасение же есть во мнозе совете» (Притч.11, 14). Поэтому он должен постоянно приглашать всех верующих, в особенности же окружающих его пресвитеров церковных и всех входящих в состав клира церковного, к принятию самого живого участия во всех делах местной церкви. Всякий верующий не только имеет право, а прямо обязан перед Господом следить за всем, что совершается в жизни родной церкви, и все, что он находит необходимым и полезным для пользы церковной, обязан открывать епископу, а епископ должен с полным отеческим вниманием выслушивать всякий совет, должен всесторонне обсуждать его со своими пользующимися в Церкви почетом и уважением пресвитерами.

Помня слова Христовы, обращенные в лице святых Апостолов всем их преемникам: «Слушай вас, Мене слушает, и отменяйся вас, Мене отменяется» (Лк. 10, 16), епископ должен тщательно наблюдать, чтобы каждое слово его точно исполнялось всеми верующими. Пока епископ не произнес своего последнего слова в том или ином вопросе, всякому верующему не возбранено выступить с подходящим советом, но что решит он, то, безусловно, обязаны исполнить как члены клира, так и все члены местной Церкви, ибо для христианина самой высшей добродетелью должно быть послушание <...>. Святое послушание, строгая дисциплина нужна по преимуществу для нашего времени. Всем достаточно известно, что переживают за последние десятилетия все страны и народы мира, как гордо поднимает голову виновник зла, как неустанно делается тайна беззакония, как искусно подготавливается наступление царства антихриста <...>, как тщатся повредить истину Христову, заменив небесное человеческими измышлениями и увлекая на путь погибели слабых церковных членов. Как разрушается семья христианская, как сквернится жизнь супружеская, как вооружают детей против родителей, как развращают молодежь и как стараются смести с лица земли решительно все, что было добыто веками, что составляло и должно составлять неперемное условие благоденствия человеческого, то есть весь порядок общественной и частной жизни <...>.

При таком открытом выступлении против нас врагов истины, сожженных в совести своей, лжесловесников, ожесточившихся во зле, преданных слуг отца лжи, и нам нужно облечься «во всеоружие Божие, чтобы нам можно было стать против козней диавольских <...> и, все преодолев, устоять» (Еф. 6, 11, 13). А это всеоружие Божие, в котором нуждается каждый из нас, исключительно приобретает человеком в Христовой Церкви через полное послушание ее материнскому гласу, когда не на словах исповедуем себя живыми частями Тела Христова, а делами своими свидетельствуем свою принадлежность к Царству Божьему». Владыка Димитрий своим примером призывал духовенство и мирян к активной церковной жизни. Только за неполные два года (1912 – 1914гг.) он совершил три больших миссионерских поездки по епархии (а в то время она была вдвое больше), проводя противосектантские, антиалкогольные и миссионерские проповеди. По архипастырскому благословению было открыто Епархиальное общество трезвости, Тюремная инспекция (воцерковление и духовное воспитание заключенных), «Церковное историко-археологическое общество Таврической епархии», на 1914 год в епархии действовало 6 церковных братств (одно при кафедральном соборе и пять региональных). Кроме того, владыкой проводились епархиальные съезды духовенства и законоучителей. С началом I Мировой войны он, оставив Таврическую кафедру на попечение викарного архиерея, пошел на один из боевых кораблей Черноморского в качестве простого судового священника. В течение почти года он участвовал в походах, снискав славу мужественного и бесстрашного архипастыря и удостоившись весьма редкой награды – панагии на Георгиевской ленте.

Много бед, скорбей и лишений претерпел владыка в годы революционных лихолетий, когда часто сменялась власть, и множество невинных жертв поливало кровью землю русскую. Будучи в Москве участником Поместного Собора он был в числе кандидатов на Патриарший престол. Во время обстрела Кремля он взял на себя переговоры с большевиками и добился прекращения огня. Вернувшись в епархию, он попал в самую гущу событий Гражданской войны. Но он, с риском для жизни продолжал нести свой архипастырский крест, вразумляя и призывая крымскую паству одуматься и прекратить бесчинства. Летом 1920 года по его инициативе были объявлены «дни покаяния», к участию в которых призывались православные люди по обе стороны фронта. Когда Белое движение потерпело крах, владыке Димитрию предложили эмигрировать, но он отказался. Народ Божий по достоинству оценил этот мужественный поступок своего архипастыря. После ареста в Симферополе, здоровье владыки сильно пошатнулось. По приговору суда он был сослан в Киев, где

жил в полузатворе, духовно окормляя изгнанных из Киево-Печерской лавры монахов. К нему на исповедь и за духовным советом приходили многие иерархи и паломники со всех уголков нашей страны. Среди них были митрополит Одесский священномученик Анатолий (Грисюк), и святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Приняв схиму с именем преподобного Антония Киево-Печерского, владыка нес подвиг старчества, наставляя всех, приходящих к нему. Господь наделил его даром прозорливости и чудотворений: по его молитвам совершались исцеления, его духовные чада избавлялись от опасностей и бед. В быстро меняющихся условиях новой жизни, под железной пятой богоборцев-коммунистов, обманутым и запуганным мирянам и духовенству, ученым и простецам так необходимы были мудрый духовный совет и молитвенная помощь. Как жить, чтобы не оскверниться от мира сего (Иак. 1, 27), как спастись, как оставаться подлинным христианином среди множества соблазнов, лжи, неверия и тотального гонения? Господь призвал владыку к этому особому виду духовничества. Церковный историк И. К. Смолич так характеризует сущность старчества: «Старец – один из старших монахов, прошедший тяжелый путь самоотречения и взявший под свое духовное руководство молодых монахов и мирян. Свою задачу он видит прежде всего в руководстве и заботе о душе, воспитании воли тех, кто не имеет большого духовного опыта, стремясь провести их через все искушения и горести этой жизни. По собственной жизни и опыту он знает о разнообразии темных путей, на которых поджидает нас искушитель. Незнакомым, пришедшим извне, он дает советы, чтобы уберечь их от ошибок.

Старец есть воля к религиозному и общественному совершенству этих верующих сердец; люди, которые предали себя его руководству, совершенно отказываются от собственной воли.

В монастыре старец обычно не занимает никакой должности; он духовный вождь и советник. Вокруг него группируются в монастыре его ученики, и он смиренно и ответственно берет на себя эту тяжелую обязанность.

Ученик сам избирает того старца, которого хочет. И часто случается так, что человек, желавший поговорить со старцем только по одному вопросу, остается под его руководством на всю жизнь и даже принимает монашество.

Чистосердечие и послушание, смирение и готовность к исполнению воли отца со стороны духовного сына, сердечность и справедливая строгость со стороны руководящего старца образуют содержание двусторонних

отношений, озаренных Божественной любовью, в которой живут оба. Так достигает ищущая душа сладости внутренней молитвы, всепобеждающей силы любви и полной благодатности жизни в Боге, с воскресшим Христом. В этом заключается очень коротко сущность старчества». В годы немецкой оккупации он возобновил монашескую жизнь в Лавре, переселившись туда с немногими уцелевшими монахами. У входа в Ближние пещеры он и был погребен, преставившись 1 ноября 1942 года.

22 апреля 2012 года схиархиепископ Антоний был прославлен в лике местночтимых святых УПЦ МП. Его святые мощи почивают в храме Всех преподобных отцов Киево-Печерских, что на Ближних пещерах.

Сейчас мы стряхиваем пыль с архивных документов не от праздного любопытства. Время неумолимо бежит вперед, на смену одной эпохе приходит другая, с разной периодичностью одна революция сменяет другую. Постоянным остается одно: Бог и человек с его исканиями правды и истины, жаждой богообщения в этом неустойчивом, скоропреходящем, лукавом мире. Жизнь показывает, что можно остаться в памяти потомков и войти в историю ничтожеством и подлецом, а можно героем и святым, богатырем духа, на житии которого будут учиться последующие поколения.